

ПАМЯТИ ЖИТЬ В ВЕКАХ

На фасаде здания завода управления кольчугинского завода имени Орджоникидзе несколько мемориальных досок увековечивают память заводчан – героев, людей, чья жизнь – ПОДВИГ. Вот одна из них:

«На нашем заводе в 1919-1925 годах работал уроженец деревни Литвиново Павел Михайлович Зернов, ставший впоследствии генерал-лейтенантом, кандидатом технических наук, лауреатом Ленинской и Государственных премий. Дважды Герой Социалистического Труда. Умер в 1964 году».

Павел Михайлович ЗЕРНОВ. Государственный деятель. В 1938-46 начальник Главного управления тракторной, заместитель наркома танковой промышленности. Основатель первого ядерного центра страны и первый директор КБ-11 (ВНИИЭФ) «Арзамас-16» (1946–1950). С 1951 заместитель министра среднего машиностроения СССР.

Да, Павел Михайлович Зернов – дважды Герой Социалистического Труда, и поэтому бюст его установлен в центре родного Литвинова. Парадный мундир генерала хранится в заводском музее.

1905-1964 годы – начертано на памятнике Зернову на Московском Ново-Девичьем кладбище. «Жизнь человека – рождение и смерть. Каждый выбирает сам, что вставить в тире между первой и второй датой», – сказал отец Ярослав. А римский философ Сенека поучал: «Жизнь надо измерять не временем, а поступками».

Так что же вместили в тире эти неполные 60 лет жизни Павла Михайловича Зернова? Какие дела, какие поступки?

Шесть десятилетий для истории – миг. 60 лет для человека – возраст зрелости, рубеж, когда можно уже подвести итог сделанному, оценив пройденный путь. Не дожил Павел Михайлович до своего юбилея, и немало задуманного осталось неосуществленным. А если учесть, что большую часть жизни имя его было засекречено, а о делах знал очень узкий круг людей да протоколы с грифом «Совершенно секретно», то станет понятно, почему личность нашего Героя не была широко известна обществу.

Но проходят годы и время ставит все на свои места. История отдает должное каждому. И сегодня имя Павла Михайловича Зернова рассекречено, дела и подвиги получили свою оценку.

Столетие Героя – повод для рассказа о его жизни.

А начиналась она на Владимирщине в деревушке Литвиново, что стоит на берегу речки Пекша вблизи от уже тогда известного в России медеобрабатывающего завода. Здесь работал литейщиком его отец – Михаил Зернов. Однако не пришлось Павлушке ощутить тепло родительской руки, услышать рассказы о труде металлурга: в раннем детстве потерял он отца. И, окончив всего-то 4 класса церковно-приходской школы, пошел мальчишкой в батраки. Пришлось и в поле работать, и лес пилить, и скот пасти. Но завод-то рядом. Манила жизнь рабочая, неведомая, да и о заработках мечтал: семья-то большая, матери помогать надо. Чувство долга с малых лет преобладало в характере Павла. И в 13 лет переступил он порог заводской проходной.

Вспоминая эти годы, Павел Михайлович в своих автобиографических заметках «Моя жизнь» так обозначил этот период: «1918–1926 годы. Батрак. Завод. Новая жизнь. Период осмысления жизни. Включился в активную общественную жизнь. Поймал себя».

За словами «поймал себя» – вступление в комсомол, участие в развитии массовой культурно-просветительной и политической работы. Секретарь деревенской комсомольской ячейки, он старается привлечь молодежь в клуб, где устраиваются вечера самодеятельности, работают кружки, ставятся спектакли, читаются доклады. Кстати, уже тогда Литвиново первой из деревень в округе была электрифицирована, и в клубе зажглась «лампочка Ильича».

Завод, клуб, домашние заботы, общественная деятельность. На первых порах все это удовлетворяло юношу, жизнь была наполнена до предела. Но ... обратимся снова к его автобиографии:

«Часто бывает, что в жизни человека происходят весьма резкие перемены в направлении его деятельности. Так случилось и со мной в 1926 году.

В то время среди своих сверстников и товарищей я был уже не рядовым, а как говорили они тогда: наш Паша-выдвиженец пошел в гору. И, действительно, я чувствовал, как со дня на день расту, набираюсь силы и опыта. Жить стало хорошо.

Женился я на своем друге по Кольчугинскому заводу Николаевой Полине, тогда активной комсомолке, имел дочку Лену. Жена работала на жен. работе. Оба мы жили общественной жизнью, и нас старшие товарищи похваливали, что, вот мол, дружная семейка и хорошие ребята-работники.

Но случилось то, о чем я до этого и не думал, и не помышлял. В феврале 1926 года состоялась Владимирская Губернская конференция. На этой конференции я выступил с докладом об общественно-политической работе комсомола в деревне.

Суть, конечно, не в самом докладе на конференции. Я его подготовил, обошел за месяц более 15 деревенских ячеек, собрал все необходимые материалы, написал тезисы доклада, которые были розданы делегатам конференции. И сам доклад вышел, как мне говорили, удачным.

Но вот когда я готовился к докладу, написал первый вариант тезисов, я обратился с просьбой к зав. орготделом Владимирского Губкома партии т. Гусеву посмотреть тезисы и поправить их, если где я написал плохо или не так, как нужно.

Он охотно согласился и попросил оставить тезисы ему на вечер. На следующий день утром Гусев пригласил меня к себе и сказал, что тезисы мои он прочитал. Содержание доклада считает хорошим, но тезисы немножко поправил, главным образом поправки редакционные и грамматические. И передал тезисы мне.

Когда я вернулся в Губком комсомола и посмотрел исправленные Гусевым тезисы, то увидел, что от моего писания осталось только название, а на тексте, написанном мной химическими синими чернилами, сплошные исправления красными чернилами. Когда я прочитал их в исправленном виде несколько раз и переписал начисто для сдачи в печать, долго думал над тем, какой т. Гусев хороший работник и грамотный человек.

В ходе этих раздумий я пришел к выводу, что мне надо обязательно учиться и стать вот таким же грамотным, как т. Гусев. Случай с тезисами помог мне понять, что единственно правильный путь для молодежи, в частности, для меня – учиться. И я твердо решил осуществить эту, теперь новую для себя мечту – пойти учиться уже в этом, 1926 году».

1926 год стал переломным в жизни Павла Зернова. 1926–1929: «Учиться, учиться и еще раз учиться. Учиться и овладеть техникой!» Таковую цель ставит перед собой юноша. И он поступает на рабфак, дав слово пославшим его туда товарищам, что, получив высшее образование, обязательно закончит и высший партийный институт. Слово свое он сдержал, правда, спустя много лет.

1929–1933. Годы напряженной учебы в МВТУ им. Баумана, активной общественной деятельности. В октябре 1933-го Павел с отличием защитил диплом, получил звание инженера-механика и был зачислен аспирантом по кафедре «Двигатели внутреннего сгорания».

И снова процитирую «Мою жизнь», ибо никакой журналист не расскажет точнее и понятней, чем сам автор воспоминаний. Тем более, что эпизод ярко свидетельствует о его профессиональной зрелости и технической смекалке – тех чертах характера, которые неоднократно проявлялись в его творческой жизни.

«Окончив институт и будучи аспирантом, я начал работать (помимо сдачи зачетов по аспирантскому плану) в двух направлениях: первое – конструкторском – конструктором по двигателям внутреннего сгорания в НАТИ, а затем в качестве руководителя конструкторской группы на Горьковском автозаводе по проектированию дизельмотора для грузового автомобиля. Эта работа продолжалась до 1936 года включительно. И второе – преподавательская работа в МВТУ по курсам «Техническая термодинамика», «Теория двигателей внутреннего сгорания и конструкция и расчет авиационных моторов». Кроме этого, руководил практическими работами студентов в лаборатории «Двигатели внутреннего сгорания».

В июне 1937 года я закончил работу по аспирантскому плану и защитил диссертацию на тему «О повышении мощности и крутящего момента в области низких чисел оборота в быстроходных двигателях».

Получил диплом кандидата технических наук. Продолжал преподавательскую работу по тем же курсам. Дополнительно руководил дипломным проектированием студентов.

Наряду с преподавательской деятельностью я продолжал начатую еще аспирантом свою научную работу. Эта работа меня увлекла главным образом потому, что тема оказалась жизненно важной, так как переход в автотракторной промышленности и в танках на быстроходные дизеля вместо бензиновых моторов, сдерживался, в частности, и потому, что дизельмоторы невыгодно отличались по своим тяговым свойствам по сравнению с бензиновыми моторами в области низких чисел оборотов. Надо было найти и разработать принцип, позволяющий устранить этот недостаток в дизельмоторах.

В МВТУ мной вместе с аспирантом Сепновым была создана заново лаборатория быстроходных двигателей, и в ней продолжена указанная выше работа.

К сожалению, до конца эту работу мне довести не удалось из-за перехода на работу в промышленность. Удалось лишь установить причину, от которой зависел этот недостаток быстроходных дизелей, разработать принципиальную схему регулирования подачи топлива для устранения указанного недостатка и создать первый опытный образец всережимного регулятора подачи топлива, провести серию опытов, показавших правильность принципа.

До промышленного образца дело не дошло. Однако, этот принцип впервые в СССР был разработан мной и показан путь решения этой задачи.

Эта задача была полностью и практически в последующем решена научным сотрудником Научного автотракторного института г. Нестеренко. Им был разработан и применен всережимный регулятор подачи топлива насосом и форсункой двигателя, что позволило полностью устранить имевшийся недостаток дизеля (низкий крутящийся момент в области низких чисел оборотов, что очень важно для трогания с места и преодоления препятствий машинами). Его конструкция впоследствии нашла широкое применение в танковых дизелях.

Моя научная работа на указанную тему была напечатана в одном из журналов «Дизелестроение» за 1938 год, а на конкур-

се молодых научных работников в том же 1938 году (на конкурс работа была представлена МВТУ) она удостоена двух премий: по Московской области – премия МК ВЛКСМ, а по Союзу – второй премии и диплома Академии наук СССР.

Год 1938-й. Новый этап в жизни Зернова. Тридцатитрехлетний молодой ученый назначается главным инженером Главного управления дизельстроительной промышленности страны. Это – первый шаг по лестнице его государственной деятельности. Всего семь месяцев пробыл он в этой должности, но сумел показать себя не только квалифицированным специалистом, но и человеком, умеющим быстро вникнуть в суть проблемы и найти ключ к ее разрешению. Не раз случалось, что решение приходило неожиданно. Сам Павел Михайлович рассказал такой случай:

«Старейший дизельстроительный завод «Русский дизель» в Ленинграде более полугодом не мог сдать ни одного дизеля, который изготавливался по купленным в Германии чертежам у фирмы «Зульцер». Дизели предназначались для больших подводных лодок. Из-за неспдачи дизелей готовые лодки не могли быть переданы в строй подводного флота нашей страны.

Была создана правительственная комиссия во главе с т. И. Ф. Тевосьяном, в то время заместителем Наркома оборонной промышленности. Я был назначен членом этой комиссии, и мне было дано конкретное задание – разобраться в причинах выхода из строя дизелей завода «Русский дизель» при сдаточных испытаниях.

В течение месяца изо дня в день и ночью я находился в сборочном и сдаточном цехах завода. Дизели ставились под полную нагрузку на 72 часа непрерывной работы, и один за другим выходили из строя через 42-50 часов по задиру цилиндров. Причина была видна: задрин цилиндров происходит от сгорания замков поршневых колец. Но почему горят кольца? На этот вопрос ясного ответа не было и его надо было найти.

Как-то ночью, при очередной аварии с дизелем, были вынуты поршни, разобраны и просмотрены все обгоревшие кольца поршней. Вызывала подозрение конструкция замка верхних поршневых колец.

На завод были вызваны директор Маляров, главный инженер Рябинин, главный конструктор завода профессор Вайштейн, начальник технического отдела Морозов. Принесли подлинник светоконии, полученной от фирмы «Зульцер» на поршневое кольцо. Внимательно рассмотрели чертеж и все имевшиеся на нем надписи. Обратили внимание на надпись в правом углу, ниже

рамки чертежа, весьма неясно обозначавшуюся на синьке. Как потом оказалось, эта надпись говорила о том, что этот чертеж предназначен фирмой для рекламы, а не для производства.

Принятыми мерами конструкция замка поршневых колец была создана конструкторами завода. Когда их поставили на дизели, то все изготовленные заводом дизели прошли положенные испытания и были установлены на подводные лодки.

Лодки вступили в строй».

Павел Михайлович явно преуменьшил в этом эпизоде свою роль в разрешении проблемы. Но это было еще одно подтверждение технической смекалки, неуспокоенности вчерашнего аспиранта, ныне вступившего на путь руководителя.

Вышестоящие руководители не могли не заметить талант, способности и неумную энергию Павла Зернова. И уже в сентябре 1938 года он – начальник Главного управления тракторной промышленности.

Но если дизелестроение – специальность инженера Зернова, то тракторная промышленность для него пока что – нечто неизвестное. Он так и сказал в ЦК ВКП(б), куда был вызван для назначения: «Я не знаю тракторных заводов, людей, производство». И услышал в ответ:

– Поезжай на заводы, разберись с обстановкой на месте, прими необходимые меры по налаживанию их работы. А в чем нужна будет помощь, по возвращению с заводов внесешь предложения.

В течение двух месяцев Павел Михайлович не только знакомится с работой тракторных заводов в Мелитополе, Челябинске, Харькове, Сталинграде, но и конкретно помогает в налаживании выпуска продукции. И снова на помощь приходят профессиональное мастерство, неуспокоенность и заложенное с раннего детства чувство долга.

К тому времени Павел Михайлович – уже давно семейный человек: жена, дочери – любимые и дорогие. Забота о них постоянно в сердце мужа, отца. И вчерашняя комсомольская активистка, любящая жена Полина Ивановна, хорошо знающая своего мужа, чем может, помогает ему. Конечно, чаще – советом и всегда – любовью и преданностью. Она понимает, что для него дело – важнейшая часть жизни, и потому способствует осуществлению его задумок и деяний.

А жизнь ставит перед ним все новые задачи, учит брать новые высоты. В 1939 году Зернов уже заместитель наркома среднего машиностроения.

«Справлюсь ли?» С такими сомнениями пришел он к нарко-

му И.А. Лихачеву – бывшему легендарному директору Московского автозавода. Тот его успокоил:

– Справишься, если будешь по-настоящему, с огоньком работать.

«В моем положении в то время ничего другого не оставалось, – вспоминал Павел Михайлович, – как дать слово, что работать буду как следует, чтобы лицом в грязь не ударить.

Но как вести дело, с чего начать – было для меня, конечно, неясно. Жизнь и работа в дальнейшем вносила эту ясность. Набирался опыта, значит, как говорится, набивал шишек на лбу».

И опять – в путь. Длительные командировки на автозаводы страны.

Уралвагонзавод. Задание правительства: утроить в ближайшее время выпуск вагонов. Приехал и увидел: на заводе полный развал. Пришлось налаживать внутризаводское планирование, поработать с начальниками цехов, мастерами, рабочими, ввести новую систему поощрения, заниматься ликвидацией срывов. Короче, выполнять директорские обязанности.

День – ночь, день – ночь ... И наконец через 45 дней Зернов рапортует правительству: задание выполнено! Завод вошел в график, стал работать ритмично, выпускать 33 четырехосных вагона в день вместо 11.

Февраль 1940 года. Новое правительственное задание. Весьма плохо идут дела на Горьковском автозаводе. По звонку Сталина нарком Лихачев направляет Зернова и начальника главка Титова в Горький с поручением выяснить причины неустойчивой работы завода и принять меры к налаживанию ритмичного выпуска автомашин по плану. Выясняя причины, пришли к выводу: «корень зла» – термический цех. Приняли меры. Работа печей налажена, и завод в течение 10 дней вошел в график. Автомашины стали сходить с конвейера по установленному ритму.

И это лишь несколько примеров, характеризующих стиль работы, умение вникнуть в дело и решить существующие проблемы. «Лицом в грязь» не ударил П.М. Зернов на этом посту. Справился!

А уже в июне 1940 года его ждали перемены. Новое назначение – Председатель Всесоюзного Комитета стандартов при СНК СССР.

– Пошел на эту работу вопреки своему желанию, – признавался много лет спустя Павел Михайлович. – Но проработал год, за который пришлось создавать заново эту организацию, рассматривать и решать большое количество накопившихся вопросов, так как ряд лет вопросы стандартизации в государ-

ственном масштабе не решались совсем, или решались ведомствами часто в ущерб интересам государства.

Я понял, насколько это нужное дело, требует больших и разносторонних знаний и высокой ответственности. Работа мне понравилась, я работал с увлечением. Тем более, что пришлось разбираться в весьма сложных и крупных вопросах. Да, вопросы были разные – и крупные, и, на первый взгляд, мелкие. Но это так казалось непосвященным. На деле же даже кажущая «мелочь» могла принести большую экономию...

Случай, о котором с некоторым юмором рассказывали начальник Главка Николай Иванович Павлов, «старейшина» ВНИИЭФ Николай Александрович Петров и академик Евгений Аркадьевич Негин, характеризует Зернова, как человека, умеющего отстаивать свою точку зрения. А было это так: «... В стране не хватало кожи на голенища сапог для военных. Военное интендантство обратилось в Госкомитет с просьбой об увеличении толщины подметок с 4 до 5 миллиметров. Зернов, ориентируясь на нормы, провел необходимые расчеты и предложил уменьшить высоту голенища на 3 сантиметра. Представители интендантства с этим упорно не соглашались. Вопрос заслушивался на одном из заседаний Совнаркома. Семен Михайлович Буденный отстаивал свою точку зрения. Комитет стандартов – свою. Тогда в зал (по предварительному предложению Зернова) было приглашено шестеро военных, трое из них были обуты в сапоги с новой высотой голенищ. Сталин обратился к Буденному: «Семен Михайлович, покажите, какие сапоги вам больше нравятся?»

– Их нельзя отличить, товарищ Сталин.

– Тогда принимается предложение Комитета стандартов, – резюмировал Сталин.

Год 1941-й. Грянула Великая Отечественная, нарушившая мирную жизнь, смешавшая все планы. К этому времени Павел Михайлович Зернов уже зарекомендовал себя не только знающим, высокопрофессиональным специалистом, умелым организатором, но – человеком слова. Если взялся за дело, выполнит его обязательно в назначенный срок, с высочайшим качеством. Потому и получал он «особые задания».

Идет война ... 15 июля 1941 года Зернову поручается в течение месяца наладить выпуск крупнокалиберных пулеметов и увеличить их производство в десять раз.

«Задание выполнено!» – через месяц докладывает Зернов. 10 сентября он выезжает в Харьков – нужны легкие танки. «Задание выполнено!» – сообщит он и тут же получит при-

каз: эвакуировать танковые заводы на Урал.

Чего ему это стоило знали немногие, но одним из последних покинув Харьков, Павел Михайлович отпарторгует: «Задание выполнено!»

И снова Сталинград. Сюда он будет возвращаться еще не раз. А в эти дни на базе судовой верфи организуется танковый завод.

– Трудности были невероятные, – скажет много позже Зернов. – Наступила зима, цехов не было, оборудование ставить негде. Люди жили где попало, продовольствие кончалось, начались бомбежки.

Героическим трудом приехавших рабочих были выстроены цехи, смонтировано оборудование и налажено производство броневых корпусов и танков. Задание было выполнено. В этом никто и не сомневался. В правительстве знали: слово Зернова твердое.

Июнь 1942 года. Новое ответственное задание – обеспечить выпуск танков в Сталинграде.

– Дело стало налаживаться, – вспоминал Павел Михайлович. – Но обстановка на фронте усложнилась, фашисты вышли к Сталинграду. И в этих условиях продолжали работать. Танки из ворот завода шли прямо на фронт.

С фронта – в Москву. Новое назначение. Зернов – первый заместитель наркома танковой промышленности. Но кабинетная жизнь не по нему. Павел Михайлович просит назначить его на самый трудный участок – на производство. И вот он уже на Урале. Приказ: надо втрое увеличить выпуск Т-34. Итог – в октябре 42-го завод не только выполняет задание, но и на 40 танков перевыполняет его.

Март 43-го. «После разгрома немцев под Сталинградом я был направлен в качестве Председателя комиссии в Сталинград на предмет определения порядка восстановления промышленных предприятий, – пишет Павел Михайлович в автобиографии. После длительного ознакомления на месте и проработки вопросов вместе с обкомом партии и директорами предприятий был подготовлен доклад в Правительство и проект Постановления Правительства о первоочередных работах по восстановлению промышленных предприятий Сталинграда. Этот проект был принят правительством, и с этого началась работа по восстановлению Сталинграда».

Позже по его же проектам начиналось восстановление Кировского и Ижорского заводов в Ленинграде. Затем были Калинин, Днепродзержинск, Калининград...

1945 год. Конец войны. Выполнив «особое задание» правительства и I Белорусском фронте, вместе с Военным Советом Зернов прибывает в Берлин, где и встречает День Победы. Но до ноября остается в Германии, выполняя еще одно «особое задание» в качестве уполномоченного особого Комитета ГКО при группе советских войск. Именно тогда на немецкой земле впервые пересеклись пути академика Юлия Борисовича Харитона и генерала Павла Михайловича Зернова. Но первое знакомство было заочным.

Той осенью оба выполняли то самое «особое задание». Только Харитон – по научной части, а Зернов – по промышленной. Аккуратный и обстоятельный генерал на своей территории ставил кольшки с табличками «Хозяйство Зернова». На эти таблички и обратил внимание академик. А год спустя...

Вспоминает Юлий Борисович Харитон:

– Когда в нашей работе стала очевидной необходимость создания специального конструкторского бюро и института, отлично понимая недостаточность моих организаторских способностей для такого большого дела, я спросил совета у Игоря Васильевича. Он рекомендовал обратиться в Совет министров СССР, занимавшийся нашими вопросами, с просьбой назначить квалифицированного начальника, на которого можно будет возложить всю организационную работу. Через некоторое время меня вызвали на заседание в Кремль и в приемной познакомили с заместителем министра танковой промышленности Павлом Михайловичем Зерновым, хозяйство которого и было под Берлином. На заседании Павлу Михайловичу было поручено возглавить нашу организацию.

Первым делом нам надо было найти подходящее место не слишком далеко от Москвы. После осмотра ряда заводов боеприпасов, освободившихся в связи с окончанием войны, которые по тем или иным причинам не подходили для наших дел, 2 апреля 1946 года по совету Б.Л. Ванникова мы приехали в небольшой город. Место нам понравилось. К поселку и заводу примыкал большой лесной массив, обеспечивавший возможность необходимого расширения. С высокого берега реки Павел Михайлович стал планировать расположение производственных зданий и будущего города. Меня удивило, с какой легкостью он это делал. Большинство его планов впоследствии было осуществлено.

Один из заместителей Юлия Борисовича Харитона много лет спустя сказал: «Всему делу очень повезло, что встретились вместе эти два выдающихся человека. Каждый из них порознь

стоил многого, но вместе они составляли то золотое целое, то единство научной мысли и инженерной практики, которое обеспечивает успех крупномасштабному научному поиску. Они срабатывались с первых же дней и действовали так согласно и дружно, что нам, их помощникам, никогда не приходило в голову, получив указание от Харитона, подкреплять его у Павла Михайловича, или наоборот».

Итак, год 1946-й. Павел Михайлович Зернов – директор сверх засекреченного института. Вот как характеризует его многолетний друг, сподвижник, заслуженный изобретатель, лауреат пяти Государственных премий Вениамин Аронович Цукерман:

– Знания и способности Зернова ярко проявились и на посту начальника нашего института. Ему пришлось решать сложные и очень разные задачи. Создание мощной базы для опытного производства, организация высококвалифицированного производственного коллектива, освоение новых сложных технологических процессов, строительство жилья для вновь приезжающих, обеспечение продовольствием, когда в стране действовала карточная система, развитие совхозов, создание медсанотдела, организация театра и кинотеатра – таков далеко не полный перечень вопросов, которыми он занимался. Здесь нужен был не только хороший организатор, но и человек с большой буквы, с особыми человеческими чертами.

– Сдержанный и внимательный, очень организованный и решительный – таким он сохранился в памяти всех, кто знал его. Зернов многому нас научил...

Особые черты Зернова можно перечислять до бесконечности: огромная работоспособность, организаторская хватка, отзывчивость и человеколюбие, строгость и доброжелательность, трезвое, критическое отношение к себе, умение отстаивать свою точку зрения. Но главное – беззаветное служение Родине.

Примеров, характеризующих личность Зернова, множество. О своих встречах, моментах работы с этим замечательным человеком рассказывают сотрудники института, люди больших и малых рангов, кому посчастливилось знать Павла Михайловича. И я приведу в этом очерке их высказывания.

Но сначала обратимся к документам, до последних лет отмеченных грифом «совершенно секретно».

Постановлением Совета Министров СССР от 21 июня 1946 года... персонально П.М. Зернову и Ю.Б. Харитону поручается «создать под научным руководством лаборатории № 2 Академии наук СССР (академик И.В. Курчатов) атомную бомбу в двух вариантах – С-1 и С-2 и по одному экземпляру каждого вариан-

та предъявить на государственные испытания.

Обязать т.т. Курчатова, Зернова и Харитона ежемесячно докладывать специальному комитету при Совете Министров СССР о ходе работ конструкторского бюро № 11».

Сам Павел Михайлович Зернов об этом периоде вспоминал: «В феврале 1946 года был назначен начальником КБ-11. Дело абсолютно новое. Пришлось все начинать сначала.

Было создано КБ в глуши, почти на пустом месте. Задание особое было выполнено к августу 1949 года».

И еще один документ: из доклада И.В.Сталину:

«29 августа 1949 года в 4 часа утра по московскому времени и в 7 часов по местному времени в отдаленном районе Казахской ССР, в 170 километрах западнее г. Семипалатинска, на специально построенном и оборудованном опытным полигоне получен впервые в СССР взрыв атомной бомбы...»

Но на этом работы не прекратились. Вскоре была испытана и первая советская водородная бомба. Сверхсекретный объект, первым директором которого был Павел Михайлович Зернов, впоследствии стал городом Арзамас-16.

Впервые вступив на еще неосвоенную строителями площадку, будущий директор уже ясно представлял, где и что нужно создавать в первую очередь, с чего начать, как делать.

«Среди соратников И.В.Курчатова, – вспоминал академик Ю.Б.Харитон, – которым партия и правительство поручили возглавлять работы по созданию атомной техники, по праву одним из первых надо назвать имя Павла Михайловича Зернова.

В глуши создается научно-исследовательский комплекс. Конструкторское бюро, предприятия, наконец, жилые дома, поликлиники, больницы, транспорт, снабжение, питание – все это легло на плечи директора КБ-11. В полной мере раскрылся его талант как организатора и ученого.

«Четыре с небольшим года работал директором Павел Михайлович. Тяжелая болезнь – инфаркт миокарда – выбили его из строя. Но за эти годы было построено и реконструировано более 350 зданий и сооружений. В их числе не только производственные корпуса, но и магазины, дома (кирпичные, «финские»), рубленые, брусчатые), детские ясли и сады, школы, здания больниц, театр, аптека, стадион, общежития, овощехранилище, столовые. Проложены теплосеть, водопровод, подведены подъездные пути к «площадкам», закончены первоочередные работы по строительству железнодорожной линии от станции Шатки до объекта... И многое другое...»

Как-то уже поздним вечером в 1948 году, – вспо-

минал В.А. Цукерман, бывший тогда начальником лаборатории научно-исследовательского центра, – я зашел в кабинет Зернова. Там были строители. Перед Павлом Михайловичем лежал белый лист ватмана, по которому он водил карандашом и мечтательно произносил: «Вот здесь будет широкий проспект, назовем его, наверное Октябрьским. Затем проведем улицы перпендикулярно и параллельно ему и проложим еще проспект. Таким образом от Красного дома у нас получится окружная дорога. И мы пустим по ней сначала автобусы, а потом троллейбусы ...».

Мечты и планы первого директора осуществлялись его трудом и усилиями его последователей. Вырос город с парками и проспектами, широкими, светлыми, просторными улицами, многие из которых названы именами тех, кто оставил в благодарной людской памяти незабываемый след.

В городе Сарове (так называется теперь бывший Арзамас-16) имя П.М. Зернова носят одна из красивейших улиц и парк культуры и отдыха.

Побывав в 1956 году на своем «объекте», в тех местах, где находилось КБ-11, Павел Михайлович написал о своих впечатлениях:

«Как все изменилось! Там, где был лес, пустошь, – вырос город, громадный объект – комбинат. Как я люблю этот объект! Здесь мое второе рождение, здесь вложены силы, покалечено сердце, но сделано большое государственное дело. Труды не прошли даром. А сколько дел впереди! Надо еще много сделать. Только бы не подвело сердце!»

И в этом весь Зернов: надо еще много сделать! И он делает очень много для развития атомной промышленности уже на новом посту заместителя Министра среднего машиностроения.

В начале этого очерка я обещала поведать об отличительных чертах характера моего героя, отмеченных в рассказах его друзей, сослуживцев, родных и близких. Вот лишь некоторые из них.

С 1948 по 1955 год проработал в КБ-11 Владимир Иванович Алферов. Он был заместителем главного конструктора, заместителем директора и директором института:

«... В жизни мне посчастливилось встречаться и работать со многими замечательными людьми. Некоторые из них сыграли значительную роль в моей судьбе, им я многим обязан, и память о них для меня священна. И среди них на первом месте стоит Павел Михайлович Зернов. Я провел много лет в тесном

общении с этим человеком ...

Роль его в создании нашей первой атомной бомбы огромна. Для нас, ученых и инженеров, работавших в КБ, Зернов был не только начальником, нет, он был и наставником, умеющим помочь каждому из нас вывести любой вопрос из лабиринта сомнений и колебаний на тот единственный путь, который приводит к цели в самое короткое время и с наименьшей затратой сил. И недаром на всех этапах работы отчеты лабораторий и отделов слушали у Павла Михайловича, и каждый отчитывающийся всегда взволнованно ждал его суждения и оценки ...

Что мне больше всего нравилось в Павле Михайловиче?

Во-первых, это чувство собственного достоинства. Я не помню случая, когда бы он принял решение под давлением сверху, внутренне сомневаясь в его правильности. Он был неподатлив на административный окрик, наскок. Уважая себя, он уважал подчиненных. Я не помню случая, когда бы Павел Михайлович давал волю своему гневу, пусть даже самому справедливому, и унижался до грубой брани в лицо провинившемуся подчиненному. Как руководитель, он умел видеть ход дела. Павел Михайлович был скромным человеком. В нем никто никогда не замечал начальственной генеральской кичливости. Он не был и завистлив. Это чувство ему совершенно чуждо. Никогда не забуду, как после получения нами щедрых наград за достигнутые успехи, я ни в одной черточке его поведения, ни в одном его слове не уловил нотки горечи, обиды или огорчения тем, что все эти материальные блага, которыми так щедро нас одарили, не коснулись его. Хотя каждый из нас считал это несправедливым, так как знал, как много удачных, счастливых решений в нашем научном инженерном поиске было подсказано и сделано лично им – Зерновым.

Он был очень внимательным к своим товарищам по работе и к своим подчиненным.

Никогда не забуду такого случая, происшедшего со мной. Бросил я в сорок девятом курить. Не потому, что осознал, что курить вообще вредно, а потому, что врачи определили для меня особую вредность курения.

И вот, спустя некоторое время, когда я уже почти отвык от папиросы, оказались мы с Павлом Михайловичем на испытаниях на полигоне ВВС. Там нас и застала встреча Нового, пятидесятого года.

Наши хозяева – летчики – были очень гостеприимными, тостов во время встречи Нового года было достаточно много. Я

после какой-то энной рюмки потерял контроль над собой и, начисто забыв, что не курю, принял предложенную мне папиросу. И только хотел было закурить от услужливо вспыхнувшей спички, как рядом со мной оказался Павел Михайлович и, погасив спичку, напомнил мне о том, что я уже бросил курить, и, насколько ему известно, сделал это по серьезной необходимости. И столько дружеского участия было в его словах, что я немедленно погасил папиросу. А ведь закури я тогда, хватило бы у меня потом силы воли бросить курить во второй раз!»

Иван Павлович Колесов, работавший во ВНИИЭФ с 1946 по 1984 годы, в том числе последние 17 лет – директором завода № 2, вспоминал:

«... Меня поражало умение Зернова вникнуть в каждый вопрос, умение учить и научить людей правильно, грамотно технически выражаться, рассуждать.

... В первом отделе комплектовали документы на какие-то чертежи. Я как раз находился там по нашим делам и стал свидетелем примерно такого разговора Павла Михайловича с Сергеем Васильевичем Борискиным.

Павел Михайлович задает вопрос:

– Когда будут отправлены чертежи?

Сергей Васильевич отвечает:

– Мы отсиним сейчас и к вечеру, наверное, будут готовы.

Тогда ему – Павел Михайлович:

– Сергей Васильевич! Ты – начальник первого отдела! Учись грамотно мыслить и грамотно разговаривать! Что такое – «синим»? Мы снимаем копии с чертежей, а не «синим». Чтобы больше такого выражения я не слышал!

И еще ... Я, конечно, не знаю насколько Павел Михайлович был сведущ в вопросах взрывчатых веществ. На мой взгляд, он, наверное, технологию работы со взрывчатыми веществами познал здесь, на объекте. И очень, очень серьезно относился к работам на втором заводе! Он много сделал для того, чтобы дисциплина работы со взрывчатыми веществами была на высоком уровне. И крепко доставало тем людям, которые пренебрегали вопросами техники безопасности при работе с ВВ.

Наши работники – Головкин и Слесаренко – ездили на первые испытания и рассказали нам о следующем характерном примере.

Строили там погребки для хранения взрывчатых веществ. И по первому варианту дорога была выполнена бетонной. Для того,

чтобы проверить, что это за дорога, Зернов предложил Слесаренко поехать вместе с ним. За управление автомобилем сел сам. Проехав по этому участку, сказал, что такая дорога для работы с ВВ не подойдет. И приказал заасфальтировать дорогу и сделать ее ровной.

Я часто встречался с Павлом Михайловичем. Он хорошо знал людей, он хорошо знал и нашу технологию. И на завод всегда приезжал один, без сопровождающих. Знал не только многих наших руководителей, но и рабочих.

И позже, уже в пятидесятые годы, когда Павел Михайлович работал в министерстве, мне приходилось, будучи в командировках, не раз встречаться с ним в вестибюле, неожиданно. Он всегда очень радостно, со вниманием здоровался и непременно спрашивал: «Как у вас дела на втором заводе?» Очень интересовался и беспокоился за нашу работу. Этим я хочу подчеркнуть то, что, уже будучи руководителем крупного масштаба, будучи заместителем министра, Павел Михайлович, тем не менее, беспокоился о делах конкретного, пусть и мелкого (хотя о работе с ВВ так нельзя сказать) характера. Он в любом случае живо интересовался делами и знал их суть».

А Петр Тимофеевич Колесников – ветеран ВНИИЭФ, проработавший там с 1946 по 1982 год, 33 года бессменный заместитель директора по общим вопросам, вспоминая обстановку, в которой все начиналось, особо выделял такие черты характера Павла Михайловича, как его равнодушие, отзывчивость, заботливость:

«... Послевоенное время. Хозяйство невосстановленное. Карточная система еще была. А люди, которые сюда приехали, они должны были быть всем обеспечены. Вот Павел Михайлович и заботился: о школах, о театре, о парке, о том, чтобы людям нашим жилось здесь лучше, чем, допустим, им жилось где-то в другом месте.

Я помню стиль его работы.

Кто-то ему пожаловался, что столовая плохо готовит. Он тут же по телефону звонит директору столовой: «Екатерина Ивановна, я собрался идти к вам обедать. Кто у вас сегодня повар? Она отвечает: «Туркин». «Позовите его к телефону!» Призывают Туркина. Зернов: «Товарищ Туркин, Зернов говорит. Я к Вам собираюсь идти сегодня на обед. Угостите хорошим обедом!» Ну, тот, конечно: «Рад стараться. Будет угощение! Приходите, Павел Михайлович!» И вот идем обедать. Действительно, прекрасный обед! Все приготовлено вкусно, чистенько кругом.

Когда пообедали, Павел Михайлович и говорит: «Ну, что же, товарищи, спасибо. Обед очень вкусный, все сделано хорошо, значит, вы умеете готовить. Вот так чтобы было каждый день! Сам буду приходить и проверять!» Они-то думали один раз так накормить, а он их заставил все время так вкусно готовить.

А Зернов на следующий день идет на первый завод, затем – в другую организацию: и таким образом заставляет всех подтянуться, выполнять свои обязанности на совесть. Он умел людей озадачить, заставить трудиться, как нужно, отдавая все, на что способны».

Павел Михайлович знал способности каждого подчиненного, учитывал его вклад в общее дело, но всегда неуклонно требовал соблюдать технику безопасности в работе. «Береги себя – сбережешь дело» – эта его фраза стала крылатой среди сотрудников.

«Бесконечная любовь к людям, активному милосердию в конечном счете являются высшим критерием в оценке человеческой личности», – считает академик Юлий Борисович Харитон. Мысль его развивает Вениамин Аронович Цукерман:

«Время – великий судья. Оно одновременно обвинитель и адвокат.

Путешествуя по Черноморскому побережью Кавказа, на горе Иверская вблизи Нового Афона у развалин старого русского монастыря мы нашли удивительную надпись: «Мы были такие, как вы. Вы будете такими, как мы». Могучий смысл вложил неизвестный монах в этот десяток слов. В них вечный круговорот жизни, подчиняющийся только одному, независящему от человека аргументу, – ВРЕМЕНИ».

Да, время поставило все на свои места, время оценило ЛИЧНОСТЬ моего героя, воздало должное его делам. И закончить свое повествование о Павле Михайловиче Зернове я хочу словами того же Вениамина Ароновича Цукермана из его выступления на заседании научно-технического совета 25 января 1975 года, посвященного 70-летию со дня рождения П.М. Зернова:

«Я хочу напомнить замечательные слова ленинградской поэтессы Ольги Берггольц о том, что никто не забыт, и ничто не забыто! ...»

О таких людях, как Павел Михайлович Зернов, память должна остаться не только в наших сердцах, тоже подвластных времени, а должна жить в веках. Так пусть помнят это имя не только его земляки, родные, близкие, друзья, сослуживцы. Потом-

ки наши, знайте: ПАМЯТИ О ПАВЛЕ МИХАЙЛОВИ-
ЧЕ ЗЕРНОВЕ ЖИТЬ ВЕЧНО!

**Считаю нужным перечислить правительственные награды
Павла Михайловича Зернова:**

Дважды Герой Социалистического труда (1949 и 1956 г.г.).

Лауреат Ленинской премии.

Дважды Лауреат Государственной премии 1-й и 2-й степени.

Четыре ордена Ленина.

Два ордена Кутузова 1-й и 2-й степени.

Орден Трудового Красного Знамени.

Медали:

За оборону Москвы.

За победу над Германией.

800 лет Москвы.

40 лет Советской Армии.

За выслугу лет в Советской Армии.

В работе над этим очерком использованы:

Книга Галины Окутиной «Люди объекта». Очерки и воспоминания.

Издана в 1996 году в г. Сарове.

Очерк Виталия Губарева «Особое задание», опубликованный в «Прав-
де» 3 февраля 1979 г.

Книга В.А.Цукермана и З.М.Азарх «Люди и взрывы», опубликованная в
журнале «Звезда» №№ 9, 10, 11 1990 год.

Автобиографические заметки П.М.Зернова «Моя жизнь».

Буклет «Их именами названы улицы», изданный в г. Сарове.

Статьи из газет и журналов, воспоминания и письма родных, фотогра-
фии и другие материалы, хранящиеся в музее Кольчугинского завода
имени С.Орджоникидзе.